

Мужик и Настасья Адовна (Худяков)/1860 (ВТ:Ё)

Жил мужик с женой; он пошёл Богу молиться; а жену дома оставил. И приказывает он своей хозяйке: «если у тебя дом пропадет, пиши ко мне.» Она сына родила, и то не написала ему письмо. А жида узнали, что она родила сына. Он подходит к колодезю; и жидёнок выскочил, кричит: «дядюшка! что дома не знаешь, отдай мне.» — Он говорит: я, говорит, всё дома знаю! — «Нет, говорит, не знаешь: отдай мне.» — Нет, говорит, не дам. А жидёнок и не дал ему напиток. — Он так и пошёл дальше; шёл, шёл, чоботы истоптал, просфиру изглодал, костыль изломал. Подошёл опять к колодезю, хотел напиток. Выскочил жидёнок. «Дядюшка, отдай мне что дома не знаешь!» — Нет, говорит, не отдам. — Так не напился и пошёл дальше; шёл, шёл, чоботы истоптал, просфиру изглодал, костыль изломал. Подошёл опять к колодезю, хотел напиток. Опять жидёнок выскочил. «Дядюшка, что дома не знаешь, отдай мне!» — Тот думал, думал: «ну, говорит, возьми.» Тот и дал ему воды напиток.

Пришёл мужичок домой; хозяйка его встречает, и сын вырос большой. Он вдруг заплакал. Она отвечает ему: «друг мой милый! О чём ты заплакал? Нам дал Бог сынка!» Он и говорит: «нам, говорит, этот сынок не кормилец, не поилец. Я его отдал к жидам.» Сын заплакал. «Ну, говорит, батюшка, благослови меня, я пойду!» Он благословил его; он и пошёл.

Шёл, шёл; видит: стоит избушка на веретенных пятках, на куриных лапках, стоит, повёртывается. Он говорит: «избушка, избушка! стань к лесу задом, ко мне передом!» Избушка повернулась; он зашёл в избушку. Лежит старуха из угла в угол; одним ухом одета, а другой в головах. Отвечает она: «что, говорит, русским духом пахнет! Что, говорит, добрый молодец, дело пытаешь или от дела лытаешь? Куда идёшь?» — Не скажу; сперва напой, накорми, потом спрашивай. Она его напоила, накормила, спать положила. Выспался, встал. Она его и спрашивает: куда, добрый молодец, идёшь? — Он ей отвечает: «я иду, бабушка, к Аду. Мне, говорит, Ад — троюродный брат.» Эта старуха ему и отвечает: «вот на тебе клубочик; куда этот клубочик покатится, туда и ты ступай!» — Он распростился; пошёл за клубочком.

Клубочик катился, катился, да к избушке и прикатился. Стоит избушка на курьих лапках, на веретенных пятках, стоит, повёртывается. Он говорит: «избушка, избушка! стань к лесу задом, ко мне передом!» Взошёл в избушку.

Сидит старуха из угла в угол. «Что, говорит, русским духом пахнет? Что, добрый молодец, от дела лытаешь или дело пытаешь?» — Дело пытаю! — «Куда, добрый молодец, идёшь?» — Не скажу; сперва напой, накорми, потом спрашивай. — Она его накормила, напоила; спать положила. Встал он. «Куда, добрый молодец, идёшь?» — Я, говорит, иду к Аду. Мне Ад — двоюродный брат! — Она ему дала клубочик: «куда мой клубочик покатится, туда ты и ступай.» Он распростился, пошёл за клубочком. Клубочик катился, катился, опять подкатился к избушке. Стоит избушка на курьих лапках, на веретенных пятаках, стоит, повёртывается. «Избушка, избушка! стань к лесу задом, ко мне передом!» Он взошёл в избушку; там старуха. «Что, говорит, русским духом пахнет? Куда, добрый молодец, идёшь?» — Не скажу; сперва напой, накорми, а потом спрашивай. — Она напоила, накормила, спать положила. Встал. Она его и спрашивает: куда, добрый молодец, идёшь? — «К Аду.» — Ад мой родной брат. — «Как мне, бабушка, подойти?» Она и говорит: «на тебе, говорит, огоньку; на тебе крупиц; на тебе махоточку (род горшка); на тебе ложечку. Сядь ты возле пруду, кашку сиди да поваривай. Прилетят его тридцать три дочери в пруд купаться. Ты подкрадись: у Настасьи Адовой унеси сорочку!» Он распростился и пошёл.

Так всё и случилось, как старуха сказала. Те дочери улетели; а у Настасьи Адовой он украл сорочку. Она накрылась платочком и подходит в нему. «Здравствуй, добрый молодец!» — Здравствуй, красная девица! — «Не видал ли ты, говорит, мою сорочку?» Он ей отвечает: она у меня. «Отдай мне её!» — Я, говорит, не отдам: поди за меня замуж. — «Я иду за тебя замуж; приходи к моему батеньке.» Он ей отдал сорочку; она и полетела.

Он приходит к её батеньке. Взошёл в сенцы. У него в сенцах колокола висят, а на колоколах мужики висят. Он испугался. «Знать мне тоже будет!» Однако ударил в большой колокол. Отец их зашумел (закричал): кто там? — Отвечает он: «я твой наречённый зятюшка!» Он к нему выходит; в горницу его к себе ввёл; на стул его посадил. Они все тут тридцать три дочери пальца шьют. Он стал у него спрашивать: которую берёшь? Он ту и выбрал, у которой сорочку украл. Они сейчас пошли венчаться. Обвенчались.

Приходят к отцу; он сделал им иную горницу. «Ну, говорит, дети, вы мне в ночь спашите пашню и посейте пшеницу. Вырастет пшеничка, вы её сожните и обмолотите; измелите и мне пирожек испеките.» Зять его и заплакал: как это можно в одну ночь? — Она ему отвечает: «ложися, мой друг милый. Утро мудренее вечера!» Он лёг спать; она каши наварила, за окно покидала. «Мыши и крысы, собирайтесь пашню пахать!» Кто пашет, кто пшеницу сеет, кто жнёт, кто возит, кто мелет, кто пирог печёт. Испекли ему пирожек. Она

его и будит: «вставай, друг мой милый; вот надо тебе пирожек нести!» — Он встал да понёс.

Приносит к отцу; он ему опять приказывает: «теперь ты мне в ночь мост построй; бархатом уברי, а тафтой убей.» Он пришёл опять, заплакал. Хозяйка ему и говорит: «о чём ты плачешь?» — Батюшка приказывает мост сделать, тафтой услать, бархатом убрать. — «Ложись спать! Утро вечера мудренее.» Он лёг спать; она опять каши наварила, за окно покидала: «мыши, крысы, собирайтесь мост делать!» — Тотчас кто лес рубит, кто столбы ставит, кто устилает, кто убивает. Она его будит: «ну, друг мой милый! вставай; пора батюшке идти сказывать.»

Он пошёл, сказал. Отец и говорит: «любезный мой зятюшка! сделайте мне в ночь церковь; мне к обедне ехать.» Пришёл её хозяин (муж), опять заплакал. Она и говорит: «что ты плачешь!» — Как же мне не плакать; батюшка приказал в ночь церкву построить! — И она заплакала. Мыши не влезут и крысы не влезут: как же они станут её работать. Они поставили самовар; чаю напился; обернулись голубчиками и полетели. Летели, летели. Она ему и говорит: «друг мой милый, Иван царевич! Прислонись к земле: не гонится ли за нами батюшка родимый?» Он опустился к земле, говорит: близко! Он обернулся пастухом, а жена его обернулась скотиной. Вот отец подходит к зятю, не узнает его; говорит: «здравствуй! Не видал ли тут, говорит, двое пробежали?» Я, говорит, не вижу, как вороны летают. — Отец и мать уехали дальше. Они опять обернулись голубочками и полетели.....

Летели, летели; она ему и сказывает: «друг мой милый! опусти к земле: не гонится ли за нами батюшка родимый?» Он опустился к земле, говорит: «близко!» Он обернулся прудом, она уточкой. Они подъехали, хотят эту утку поймать; она всё ныряет. Мать догадалась: «это моя дочь.» Взяла перстень, швырнула (бросила) его в воду. «Как этот перстень пропадёт, так и ты пропадёшь!» И уехала мать-то. Эта дочь нырнула, перстень подняла и на ручку надела.

«Что ж нам с тобою делать? Давай состроим хоромы и будем жить.» Они жили, жили; он соскучился. «Я пойду, говорит, к своему отцу, матери побывать.» Она ему отвечает: ступай, мой друг милый! со всеми поздоровайся, только с большой снохой не здоровайся!

Он приходит домой; со всеми поздоровался, только с большой снохой не поздоровался. Думает: «что же я с большой-то снохой не поздоровался?» Взял да и поздоровался. Как поздоровался, так и забыл про свою хозяйку (жену). Она без него три года жила одна. А он на другой жене женится. Старуха шла,

да к ней и зашла. «Ты, милая тётенька, не знаешь, что твой хозяин женится!» Они приходят к нему; он уж женился, сидит за столом, чай пьёт. Новая жена-то сахару кусок уронила; старая-то кусок подняла и подала. Он по перстню, что в пруд был брошен, и узнал. Он эту жену бросил, а с старой опять стал жить.